

Памяти выходца из семьи участников Гражданской войны в Одессе, историка Леонида Борисовича Яковера, по чьему совету эта книга и написана.

ВВЕДЕНИЕ

В 1918 году, 3 июня по старому стилю и 16-го по новому, в Одессу, занятую германскими и австро-венгерскими войсками, приехала чета Буниных. Здесь в квартире особняка их знакомого художника Евгения Буковецкого на Княжеской улице она пережила смену не одной власти в городе и покинула его навсегда, как и Россию, в феврале 1920 года на греческом судне, взявшем курс на Константинополь.

Как известно, на протяжении большей части совместной жизни Иван Алексеевич Бунин и его супруга Вера Николаевна, урожденная Муромцева, вели дневниковые записи, датируемые в силу неприятия ими советских нововведений и старым, и новым стилем, большая часть из которых была опубликована издательством «Посев» во Франкфурте-на-Майне, а в 2004–2005 гг. переиздана в России [1].

Большая часть одесских дневников Буниных дошла до нас в изложении именно Веры Николаевны. Записи самого Ивана Алексеевича, написанные на отдельных листках, послужили основой для созданных им впоследствии знаменитых «Окаянных дней», датированных только старым стилем и посвященных как одесскому периоду жизни – с 12 апреля до 20 июня 1919 года, – приходившемуся на время ненавистной писателю «красной» власти в городе, так и более раннему московскому – с января по март 1918 года. «Окаянные дни» первоначально были опубликованы в середине 1920-х годов в парижской газете «Возрождение», а затем в 1935 году вошли в X том берлинского собрания сочинений Бунина. На родине же писателя они увидели свет в разгар горбачевской перестройки. При этом в «Окаянных днях» Бунин писал, что одесские записи после 1920 года он «так хорошо закопал в одном месте в землю, что перед бегством из Одессы... никак не мог найти их»[2]. Вера Николаевна в дневниках подробно освещала не только бытовые детали, но и всю атмосферу Гражданской войны в Одессе, в частности смену властей. По справедливому замечанию публикатора дневников – хранительницы семейного архива Буниных Милицы Грин, – написанное Верой Николаевной контрастирует с записями Ивана Алексеевича этого периода, «полными нервного напряжения и ярости»[3]. В связи с гораздо меньшей эмоциональностью и, наоборот, большей информативностью дневник Муромцевой-Буниной, по нашему мнению, для историка представляется более важным источником, чем «Окаянные дни».

За последние десятилетия об одесском периоде жизни классика русской литературы было написано немало (хотя и, естественно, значительно меньше, чем о дореволюционном и эмигрантском периодах, поскольку время Гражданской войны отнюдь не являлось пиком творчества писателя). Однако авторы, рассказывавшие об одесском времени, как правило литературоведы, акцент делали на жизни в городе самого Бунина и его общении с друзьями и знакомыми, большей частью из числа местных и приехавших деятелей культуры и конечно же на отношении писателя к революции и большевизму, которое, как известно, было крайне негативным. Однако события социальной, политической и военной жизни региона, упоминаемые в «Окаянных днях» и дневниках четы, в основном оставались за пределами публикаций. Более того, иногда в них присутствуют ошибки в идентификации упомянутых Буниными политических

деятели Одессы. Так, в некоторых комментариях к «Окаянным дням» Борис Северный-Юзефович – руководящий одесский чекист, а впоследствии директор патронного завода в Туле, уничтоженный в 1937 году, перепутан с видным профсоюзным работником Иосифом Юзефовичем, расстрелянным в 1952 году по процессу «Еврейского антифашистского комитета», а комендант города и порта, кадровый военный Домбровский – со своим однофамильцем: бывшим театральным антрепренером Домбровским. В связи с этим автор стремится хотя бы частично заполнить вышеуказанный пробел и исследовать некоторые события одесской жизни, нашедшие свое отражение в записках Бунина и его жены, а также те, которым они, уехав в эмиграцию, уже не могли явиться свидетелями.

Нужно отметить, что, в отличие от Москвы, в Одессе Бунины столкнулись не только с негативными эксцессами, свойственными русской революции и Гражданской войне, но и со спецификой южнопортового города, в котором при всех меняющихся властях играли криминал и уголовные элементы, тесно сросшиеся с государственными структурами и являющиеся непосредственной частью местной социально-экономической жизни. Этот фактор еще больше усилил и до того крайне неприязненное отношение писателя к тому, что случилось в 1917 году вообще и большевизму в частности, что и нашло яркое отражение в «Окаянных днях».

В первой половине 2000-х годов автор настоящей книги во время работы в архивах над кандидатской диссертацией, посвященной структуре и кадровому составу ВЧК, одновременно продолжал собирать (в первую очередь в ГАРФе и Российском государственном архиве социально-политической истории [РГАСПИ]) документы, посвященные разным сторонам жизни Одесчины в годы Гражданской войны: деятельности местной ЧК и белых контрразведок, террору, борьбе с бандитизмом, биографиям различных ответственных работников и авантюристов. Появились за это время и некоторые новые опубликованные источники по Гражданской войне в Одессе. Так, например, увидели свет написанные в начале 1920-х годов мемуары последнего начальника белой контрразведки Одессы, более известного как последнего начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева[4]. В результате родился замысел книги, посвященной некоторым аспектам Гражданской войны в Одессе, в частности деятельности спецслужб противостоящих сил Красному и Белому террору, взаимоотношению местного криминала и властей.

Одесской ЧК были посвящены в советское время кандидатская диссертация В. В. Сенюшкина, а в постсоветское – монография И. Н. Шкляева. Сенюшкин, рассматривая партийное руководство чекистскими органами юга Украины, акцент сделал на Одесской ЧК. Автор использовал материалы центральных, республиканских и местных партархивов и некоторые документы из архива Одесского УКГБ. Спецификой использования опубликованных материалов было привлечение не только советской, но и эмигрантской литературы, в частности мемуаров С. М. Устинова «Записки начальника контрразведки», вышедших в начале 1920-х годов. Одесский историк И. Н. Шкляев в монографии об Одесской ЧК[5] использует немногочисленные сохранившиеся одесские и некоторые московские архивные источники по данной проблеме. Однако количество их все же недостаточно для создания полноценной картины происходящего (впрочем, достаточного их количества, например, в той же Одессе, к сожалению, не сохранилось), а главное, не всегда достаточно критическое отношение к мемуарным источникам, появившимся много

десятилетий спустя после описываемых событий. Поэтому не со всеми выводами автора можно однозначно согласиться.

Гражданской войне на Одесчине посвятил несколько публикаций и другой одесский историк – В. А. Савченко[6]. В 2000 году вышла его книга, посвященная известным авантюристам Гражданской войны, как правило, имеющим отношение к Украине. Присутствуют в ней несколько очерков об одесситах. В 2012 году в Москве им была опубликована монография о жизни Одессы в период нэпа, содержащая много интересных фактов и ряд любопытных выводов.

Из публикаций журналистов нужно отметить книги и статьи одесситов Н. А. Брыгина и Ф. З. Зинько, ныне проживающего в Германии. Бывший сотрудник Одесского КГБ, немало сил приложивший для создания ведомственного музея, а одно время возглавлявший и Одесский литмузей, Брыгин в 1960-1980-х годах в местных газетах опубликовал ряд очерков, посвященных одесским чекистам Гражданской войны, из которых наиболее интересный и основанный на архивных документах был посвящен операции против белой разведорганизации Василия Витальевича Шульгина «Азбука». Опубликован он был в номерах «Вечерней Одессы» с 8 декабря 1983 года по 6 января 1984 года, а в постсоветское время переиздан в сборнике, посвященном шульгинской спецслужбе[7]. Зинько в своих сборниках очерков – двухтомном «Одесситами не рождаются» и отдельном, посвященном одесским чекистам[8] – приводит немало сюжетов как об Одессе Гражданской войны, так и о многих местных деятелях того времени. Многие сведения журналист разыскал в местных архивах, что далеко не всегда характерно для лиц его профессии. Но если на авторов публикаций он часто ссылается, то на архивные документы – нет. Кроме того, у Зинько встречаются непроверенные факты, и публикации последнего изобилуют характерными для местных журналистов «одесскими» литературными оборотами, что, по нашему мнению, снижает их серьезность, которой в целом они отличаются.

Из книг о событиях Гражданской войны на Одесчине советского времени имеют серьезное значение книги одесского историка В. Г. Коновалова[9]. Его книги, несмотря на идеологическую составляющую (без нее они бы просто не вышли в то время), выгодно отличаются обширной фактурой, большим количеством персоналий. Кроме того, автор использует архивные документы (в том числе из закрытых в советское время фондов, ссылки на которые по понятным причинам отсутствуют), а также наряду с коммунистическими материалы противников большевиков, что, во всяком случае для популярных книг, в то время было весьма нечастым явлением.

Немало страниц, посвященных Белому движению на юге России, в том числе в Одессе, можно встретить в работе московского историка В. Ж. Цветкова. В ней он рассматривает особенности функционирования представительной, исполнительной и судебной власти белых, а также разведывательной деятельности Вооруженных сил Юга России[10]. В работе другого столичного историка, Н. С. Кирмеля, посвященной белогвардейским спецслужбам, некоторое место уделено деятельности деникинской разведки и контрразведки в одесском регионе[11].

Хотелось бы отметить две работы, в которых говорится о правоохранительных органах Одессы времен революции и Гражданской войны. В 2003 году вышла книга одесского журналиста Н. В. Барбашина «Обретение истины»[12]. В ней автор на основе воспоминаний и архивных документов (приводимых, правда, как правило, без ссылок) рассказывает о работе органов охраны правопорядка Одессы с основания города до наших

дней. В конце ее приводится разного качества информация о многих должностных лицах, фигурирующих в тексте. Книга снабжена богатым иллюстративным и фотографическим материалом. Однако, как и практически любое издание, охватывающее столь большой исторический отрезок времени, не все периоды описаны достаточно качественно. Так, наиболее интересующий нас период с 1918 по 1920 год описан довольно сбивчиво и посвящен больше событиям Гражданской войны на Украине вообще, чем непосредственно в городе. Достаточно указать, что за этот период не дается никаких сведений (и даже просто не названы фамилии) почти ни об одном руководителе органа правопорядка губернского и городского масштаба.

В какой-то мере компенсировать последний недостаток (хотя бы в отношении советских органов) может вышедший в 2010 году справочник московского исследователя истории органов внутренних дел и госбезопасности К. В. Скоркина[13]. Автор не одно десятилетие собирал в различных архивах сведения о руководителях советских милицейских и чекистских органов послереволюционных лет, сочетая это с детальным изучением периодической печати того времени, на основе чего выпустил несколько книг. В данном справочно-информационном издании Скоркин приводит список руководителей советских административно-милицейских, уголовно-розыскных структур и органов борьбы с контрреволюцией всех регионов с 1917-го по начало 1920-х годов, в том числе и одесского. Крайне полезен был бы этот справочник одесским исследователям, которые, судя по их публикациям, о некоторых своих земляках, вероятно, даже и не знают.

И, наконец, в связи с тем, что южный город в годы Гражданской войны являлся пристанищем многих видных представителей интеллигенции, в частности писателей, хотелось бы отметить ряд публикаций, в которых в той или иной степени освещается одесский период жизни не только Ивана Бунина, но и Максимилиана Волошина, Алексея Толстого, Валентина Катаева, Исаака Бабеля и некоторых других[14]. На этом обзор опубликованной литературы по интересующей нас проблематике можно закончить.

Мы ставим задачу показать политические события истории Одессы, свидетелем которых был (или мог быть) Иван Бунин и которые их супружеская чета запечатлела или не запечатлела в дневниках.

Автор отдает себе отчет в том, что Одесса в силу своего географического положения, этнического состава и исторической специфики не была типичным городом Украины, а уж тем более бывшей Российской империи, и то взаимоотношение, те криминальные элементы и многочисленные авантюристы, которые процветали в ней, не могли с таким же успехом или хотя бы такими же методами действовать в других регионах. Однако, как известно, именно на Одесчине в период общероссийской революционной смуты развивались наиболее драматичные события со всеми ужасами и жестокостями, присущими Гражданской войне. В этой связи весьма символично, что Иван Алексеевич Бунин большую часть своих записок о Гражданской войне, озаглавленных «Окаянные дни», посвятил Одессе, в которой он жил с середины 1918 года по начало 1920 года, а название-то было обо всей России. Наконец, не было, по нашему мнению, ни одного города в истории Гражданской войны, о котором не было сложено столько легенд и мифов, как об Одессе. В связи с этим наша задача – разобраться хотя бы с частью из них, отделить, где это возможно, правду от вымысла. Мы надеемся, что это будет нашим, пусть даже очень скромным, вкладом в написание истории русской революции.

Цель данной книги – попытка рассказа не о жизни Буниных в Одессе, а о тех событиях, происходивших в городе, невольными свидетелями которых они являлись, как,

впрочем, и тех, о которых могли просто не знать, творившихся различными властными и военными структурами, правоохрательными органами и спецслужбами, в том числе и под покровом секретности. Поэтому наряду с бунинскими дневниками в качестве источников мы привлекаем и другие свидетельства с разных сторон, материалы печати того времени и конечно же сохранившиеся архивные документы, посвященные событиям тех «Окаянных дней».

В сносках содержатся ссылки на архивные и опубликованные источники, а также биографические справки о большинстве лиц, фигурирующих в книге.

В Приложениях даются очерки о сюжетах, либо в основной части упомянутых вскользь, либо не упомянутых вообще, но имеющих отношение к теме исследования, а в отдельных случаях содержащие дополнительные сведения о некоторых лицах, фигурирующих в книге. При подготовке биографических справок (а также сведений аналогичного характера в основном тексте) использованы документы РГАСПИ, в частности, хранящиеся в фонде ЦК КПСС регбланки членов партии, анкеты партийной переписи 1926 года, личные дела работников, снятых с номенклатурного учета, и находящиеся в фонде Коминтерна личные дела сотрудников этой организации, а также опубликованные и электронные источники: справочники и другие работы, содержащие наиболее достоверную информацию[15].

Автор благодарит за предоставленные документы и материалы сотрудников Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, особая благодарность работникам его читального зала), Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Одесской области (ГАОО) и лично исследователей: К. В. Скоркину (Москва), В. Ю. Золотареву (Харьков), И. Н. Шкляеву, Н. В. Барбашину и В. А. Савченко (Одесса).

Часть первая **ЮЖНАЯ СМУТА**

Весть о Февральской революции быстро дошла до Одессы. На улицах города стихийно возникали митинги и демонстрации. На Соборной площади началась самая массовая в истории Одессы демонстрация. Митинг на площади продолжался несколько часов, потом демонстранты прошли по Дерибасовской и направились на Преображенскую улицу к дому № 44, где находился полицейский участок. Демонстранты требовали освободить всех политзаключенных. На следующий день на свободу вышло 1600 узников, в их числе был и отсидевший в тюрьме без малого 10 лет заключенный Мойше – Яков Вольфович Винницкий, вскоре благодаря своим раскосым глазам ставший Мишкой Японцем, или Япончиком, под последней кличкой он вошел в историю. На самом деле и при его жизни он именовался и той, и другой кличкой, в том числе и подписывался обеими, хотя первой – чаще.

Вскоре обстановка в городе начала обостряться. Летом 1917 года на Фонтанской дороге появились курени – военизированные формирования Украинского националистического правительства – Центральной рады, захватившей власть в Киеве. Количество куреней Центральной рады к ноябрю возросло – в районе Одессы их численность составила 10 тысяч рядовых и офицеров. Курени пополнялись за счет зажиточных крестьян из ближних деревень, приходивших подчас с собственным оружием,

демобилизованных и беглых солдат, деклассированных элементов с городских окраин. 27 октября 1917 года, когда одесситы окончательно убедились в свержении два дня назад большевиками Временного правительства в Петрограде, комиссар Центральной рады Семен Коморный объявил о переходе власти в городе под власть своего правительства. Однако порядка это отнюдь не добавило.

В. А. Савченко пишет:

«С конца октября в Одессе начали громить винные и спиртовые склады. Погромы эти, то разгораясь, то затухая, продолжались в течение четырех месяцев. Чтобы остановить толпы пьяных, идущих из предместьев громить город, командование применило даже броневики. Были перекрыты улицы, ведущие к окраинам Одессы, и образован „фронт“ против громил. С этой целью власти вызвали пулеметную команду, пожарных, школу прапорщиков. Между тем толпой манипулировали „люди“ Япончика, призывая „арестовать власть и грабить город“. Толпа была остановлена только пулеметным огнем, на земле осталось 12 раненых и двое убитых.

Во время „винного бунта“ Япончику удается устранить своего конкурента в преступном мире Акулу – Н. Дрогаева – и стравить банды соседних районов – Пересыпи и Слободки. Слободка превратилась в „бандитский фронт“, где „сражались“ за влияние несколько банд (только в ночь на 4 ноября там было обнаружено 11 трупов). В конце ноября 1917 года район Молдаванки, где хозяйничал Япончик, объявил о создании независимой „Молдаванской республики“»[16].

Однако, в отличие от того же Петрограда, наряду с винными погромами в Одессе ожидали и еврейских...

Что такое еврейский погром?

До 1905 года погромы организовывались по определенному сценарию. Полицейские инсценировали «возмущенную» евреями народную толпу в виде переодетых в штатское городских, дворников, а также хорошо оплачиваемых городских люмпенов. Власти, стремясь сохранить внешнее приличие, в события не вмешивались, полиция и войска оставались якобы нейтральными. Разъяренная толпа была как бы выражением народного гнева.

Трусливой, уверенной в своей безопасности толпе, полупьяной, а отчасти совсем пьяной нетрудно было противостоять: она разбежалась при первых выстрелах. Погром происходил таким образом: громилы делились на группы, сравнительно незначительные, и каждая направлялась по отдельной улице. Еврейская самооборона при организованной разведке загораживала погромщикам путь, стреляла в воздух, а иногда и в них. Громилы часто разбегались.

В погромах 1905–1907 годов участие властей носит уже более откровенный характер. Как на юге, так и в других местах погромщики были окружены вооруженной полицией, а иногда и солдатами, которые загораживали путь отрядам еврейской самообороны. Прежний тип самообороны – примитивные группы, вооруженные револьверами, кастетами и ножами, – уже не годился для оказания действительного сопротивления. Надлежащий эффект могла произвести лишь самооборона в виде хорошо организованных вооруженных отрядов.

Новая опасность погромов возникла, когда русская армия начала терпеть неудачи на фронтах Первой мировой войны. Еврейский обыватель считал, и не без оснований, что при любом исходе войны демобилизация армии будет ознаменована погромами.

В годы Гражданской войны погромы входили в быт маленьких городов и местечек, затерянных среди украинских сел.

В крупных городах погромы происходили обычно во время смены властей – гетмана, «добровольцев» и других. Старая власть, которая как-то стабилизировалась и на некоторое время устанавливала «порядок», уходила, а новой еще не было. Этим пользовались остатки военных формирований уходивших властей или первые эшелоны приходящей власти. В то же время не хотели упустить свой шанс местные хулиганы, которым часто помогали и жители окрестных сел.

Каждая волна погромов в местечках приводила к переезду в Одессу беженцев, которые оседали здесь у своих родственников и знакомых. Беженцы считали, что в таком большом городе, как Одесса, они спасутся.

Висевшая над Одессой в 1917 году угроза еврейского погрома, исходившая от многочисленных куреней, окружавших город, не осуществилась, в чем, по мнению видного одесского историка С. Я. Борового, была немалая заслуга Мишки Япончика, который активно участвовал в организации отрядов самообороны. Командиром дружины стал прапорщик Срулевич, позднее эмигрировавший, а начальником штаба – прапорщик, художник по профессии Ц. С. Могилевский-Эмский, ставший после Гражданской войны музейным инспектором одесского губполитпросвета, расстрелянный в 1937 году[17].

Нам представляется, что Боровой роль Япончика в создании отрядов еврейской самообороны несколько преувеличивает, но факт остается фактом: крупных погромов в городе действительно в то время зафиксировано не было.

В первой половине января 1918 года на улицах Одессы усилились бои между отрядами Красной гвардии и гайдамацкими куренями Центральной рады. 17 января 1918 года в городской военно-революционный комитет явились представители всех куреней и заявили о сдаче. В городе была установлена советская власть и не просто советская власть, а Одесская Советская республика, о которой сейчас мало кто помнит. Не каждый одессит знает, что его родной город был когда-то отдельным государством со своим правительством.

Складывающуюся в Одессе ситуацию можно показать на примере одного эпизода, приведенного свидетелем тех событий – юристом, торговцем произведениями изобразительного искусства и коллекционером Владимиром Михайловичем Маргулиесом, делавшим дневниковые записи и выписки из местных газет, которые впоследствии в эмиграции он опубликовал в виде книги. Он описал выступление в городе командующего советскими войсками левого эсера Михаила Артемьевича Муравьева (ныне о жизни и гибели этого военного написано немало). Муравьев прибыл в Одессу в феврале и выступил на заседании городской думы с участием представителей финансовых и торгово-промышленных кругов. Между главой банкирского дома И. С. Ксидиасом (эту фамилию впоследствии использовал Лев Славин в своей знаменитой пьесе «Интервенция» для создания образа одесской банкирши и ее сына) и прибывшим военачальником состоялся разговор следующего содержания:

«Я банкир, но смею все же считать себя другом народа. Во времена царизма я, буржуй и банкир, отдал все свои деньги на газету „Южная мысль“, которая боролась с царизмом. Меня приговорили к тюремному заключению, и я два раза сидел в тюрьме. Поэтому я смею думать, что я такой же друг народа, как товарищ Муравьев. В банках есть чеки, есть ценные бумаги, но нет денежных знаков. Ко времени большевистского переворота в России было денежных знаков на 16–17 миллиардов, из них на Одессу

приходится 50–60 миллионов. Деньги эти находятся у средней буржуазии, а также в низших классах, так как капиталисты вкладывают все свои деньги в бумаги. Те, у кого есть наличные деньги, цепляются за них всеми силами, и их трудно у них получить.

Муравьев: Я уверен, что в Одессе все же наберется 10 миллионов. Сговоритесь между собой, давайте чеками, процентными бумагами, чем хотите. Я здесь жил, знаю город и знаю, что деньги найдутся.

Я не позволю пропадать пролетариату, не позволю, чтобы красногвардейцы и флот страдали от безденежья. Даю вам срок с 20 по 23 февраля включительно. 24-го в 12 часов вся сумма должна быть внесена в Государственный банк на мое имя. Вы это сделаете, если дорожите своим спокойствием. Я порядок установлю, все грабители, прикрывающиеся именем анархистов, большевиков, максималистов, будут уничтожены»[18].

В ночь на 14 марта в город вошли немцы и австро-венгры, и республика прекратила свое существование.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной
библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66